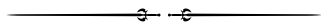

ДЕВЯТЫЙ

НА РУИНАХ МАЛЬРОКА

Артем КАМЕНИСТЫЙ

НА РУИНАХ МАЛЬРОКА

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *А. Литаева*

Каменистый, Артем.

К18 На руинах Мальрока / Артем Каменистый. —
Москва : Эксмо, 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-098807-5

Его номер девятый. Его задание невозможное: выжить там, где погибли его предшественники; сделать то, что не смогли сделать они.

Со вторым у него проблемы: некогда заниматься ерундой, все силы уходят на выживание. Из-за этого и с первым неприятности случаются — не всегда удастся выжить. Его дорога началась со смерти, и смерть продолжает следовать за ним.

Сегодня ему придется сделать выбор: бесславно проиграть или в очередной раз рискнуть жизнью ради призрачного шанса на победу. Но что такое жизнь для того, кто уже привык умирать?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098807-5

© Каменистый А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Пролог

— ...изменник рода человеческого, признаешь ли ты, что вступил на дорогу зла по воле своей, а не по принуждению или недомыслию глупому? Соблазн тебя обуял, жизни нечестивой, блудливой и разгульной возжелалось, оттого и свет чистый на мрак крошечный променял! Тьма тебя гложет, и приятны тебе кровавые лобзания от клыков ее вонюче-слюнявых! И дорогами зла шел ты к гибели души, чужою кровью землю не жалея поливал, говоря в смрадную пустоту: «Прими меня Тьма нечистая, твой я теперь не по принуждению, а по желанию своему!» Иль собственную кровь при этом тоже отдавал, малой данью нечисть умасливая? Во сне глубоком шепот врага рода человеческого как весть благую принимал, оттого и просыпаться не хотел, на соломе в телеге днями отлеживаясь? С умыслом богопротивным или пустой глупостью жертвами многими погань накормил? Сознаешься ли, что без брачного ложа совокуплялся с богомерзким суккубом под покровом ночи в помещении греховном, свое тело, Богом даденное, навеки тем деянием осквернив? Сознаешься, что принял впоследствии на грудь живое сердце змеиное бабы поганой своей, предав себя тьме? Сознаешься, что Бога отверг истинного; что плевал на церковные извращения; что потешался над тайнами святыми; а еще питал симпатию к гадкому учению богопротивных еретиков, которые, следуя подлейшему завету богоотступника Иридия, извратили истину не единожды?

Признаешься, что в тайный сговор с премерзким епископом иридианским вступил и многие души невинные погубить замыслил, в западню коварную с улыбкой лживой заманивая? Признаешься, что многими страшными карами грозился солдатам войска королевского, воспрещая им в битву со слугами зла вступать? Сознаешься, что с помощью Дьявола — самого страшного врага рода человеческого, оружие нечистое за одну ночь в кузнице сотворил, коим затем предательски оскосил солдата королевского из великой дали, не видя его при этом, но по наущению нечистого духа, не промахнувшись?»

На последних словах я, не сдержавшись, улыбнулся. Опять... Несмотря на ситуацию, не могу не порадоваться. Единственный позитивный вопрос — при всем моем бедственном положении лишь он не перестает радовать. Приятно знать, что не промахнулся в тот раз, что действительно угодил сволочи, куда мечтал. Очень удачно вышло, ведь подонкам потомство ни к чему. Не иначе как и впрямь сам Бог помог — без его вмешательства достать гада за нежные места через крепостную амбразуру непросто.

«Скалишься, зла скверное исчадие?! Водой святой оскал твой сейчас утрем — скалься-скалься! А не перестанешь скалиться, так воду ту подогреем, а то и вскипятим!»

Опять водные процедуры?! Да сколько же можно! Эх... надо научиться контролировать свои эмоции. Зря я улыбнулся — сейчас опять начнется. Вот ведь наблюдательный гад — улыбка у меня небось едва заметна... скорее гримаса легкая; темень в этом каземате почти полная — чадающий светильник в углу помогает мало. Но все замечает...

Поток вопросов прервался, но до молитвы дело еще не дошло. Когда он начинает молиться, мое чувство юмора куда-то прячется. И обычно я при этом ору так, что уголки губ рвутся, — нелегко при таких раскладах улыбаться.

Он, вполне возможно, и не злой. Возможно, глубоко в душе не желает мне ничего, кроме добра. Возможно, даже искренне считает, что спасает меня от куда более худшей участи.

Может, он в чем-то и прав, но это не мешает мне его ненавидеть.

Я давно устал отвечать на одинаковые вопросы — он не слушает ответы или не верит им. Промолчу я или в очередной раз сознаюсь во всем — ему безразлично. Он будет спрашивать снова и снова, перемежая допрос молитвами и кое-чем еще... очень нехорошим. Для этого нехорошего у него имеется парочка молчаливых помощников. За все время они ни слова не произнесли, если не считать перешептываний друг с другом.

Уж лучше бы они языки чесали, чем...

Ему все равно — каюсь я, ору от боли, молчу или ругаюсь на двух языках. Даже то, что один из этих языков в его мире никому не известен, ничуть его не интригует. Часами или сутками, монотонным голосом, не громко и не тихо: спрашивает, спрашивает и спрашивает.

Одно и то же. В перерывах между молитвами...

Его помыслы, если не придирается к отдельным меркантильным мелочам, благородны — он, похоже, искренне мечтает меня спасти. Но мне от этого не легче, потому что спасти он мечтает лишь душу.

На тело ему наплевать.

Неудивительно, ведь он — инквизитор.

Глава 1

Будни инквизиторов

Оглядываясь назад, на все свои двадцать девять относительно честно прожитых лет, не могу не признать — в скуке стандартной жизни имеются свои преимущества. Самое страшное повреждение организма — царапина от диванной пружины; самый большой стресс — когда, прогуляв семестр (погряз по молодости-глупости в гулянках и добывании средств на эти самые гулянки), чудом, в последний момент, разделался с экзаменами, едва не отправившись служить Родине, что в мои жизненные планы никаким боком не входило.

Хотя вру: самый страшный стресс подытожил мою старую беззаботную жизнь. Это случилось в тот день, когда я в последний раз увидел своего врача, узнав от него неприятные новости... Он тогда дал честное слово, что копить небо мне осталось недолго. Полгода давал... максимум.

Интересно, сколько с той поры минуло? Около трех месяцев там, еще на Земле, «яйцеголовая шайка» обучала меня премудростям науки выживания, заодно напичкав голову теоретическим мусором, чертежами и схемами. Память у меня хорошая, но этого им показалось мало. Даже до гипноза дело доходило и шепчущих наушников на ночь. Информационный прессинг был чудовищным — моя и без того нездоровая голова переносила его с трудом. С тех пор у меня в черепе свалка... хотя и до этого мусора там хватало...

Сколько я здесь? Двухнедельные скитания по морю, лесам и холмам; оживающие хищники; горько-соленая вода в легких; свист стрел; звон оружия; кровь и раны... смерти спутников. Мою давнюю царапину от диванной пружины здесь даже обрабатывать не станут: раз голова не оторвана, значит, боец здоров.

Потом, похоже, я умер. В очередной раз. И опять ненадолго... о чем уже устал сожалеть.

Сколько я уже провисел на сырой холодной стене? Без понятия, в этом темном подвале время давно остановилось. Может, неделю, а может, и год...

Здесь частенько случается, что мгновение растягивается в вечность...

Да и откуда мне знать, сколько длится местный день? Иван тогда, еще на Земле, рассказывал, что, по их подсчетам, он чуть длиннее земного. Можно ли верить этой информации? Я вот не верю — половина их теоретических построений высосана из пальца, а откуда высосана вторая половина, даже знать не хочется.

Ладно, будем считать, что прошло полгода. Я успел умереть пару раз, но все еще живехонек. Точнее, живет одно из моих тел — другое, увы, отправилось на кладбище.

Хотя не факт — может, медленно дрейфует в жидком азоте с каким-нибудь секретным антифризом, залитым вместо крови...

Яйцеголовым верить безоглядно не стоит...

Кстати, об этом я местному инквизитору уже рассказывал. Из моего сбивчивого объяснения он понял лишь одно: мое старое тело умерло, а новое я считаю чужим. После этого ему пришлось долго молиться, а мне, естественно, опять страдать, сожалея о своей разговорчивости. Но не рассказать было невозможно: в этой организации умеют получать ответы на любые вопросы.

С тех пор я предпочитаю помалкивать. Стимула для откровенности нет: соловьем разливайся или язык проглотить — все равно молитв не избежать. Хотя помалкивать трудно, не получился из меня партизан на допросе в гестапо. Ну не переносу я некоторые методы местного дознания.

Молитвы — это еще куда ни шло, но вот то, что происходит параллельно им, меня очень напрягает...

Лязг железа — и мое тело опускается на цепях. Грубые лапы подхватывают, тащат, заваливают спиной на бугристую, выдавшую виды доску. Опять лязг железа — руки растягиваются в стороны, вытягиваясь в струны. Болезненный удар по голени — на них захлопывается дубовый брусок запора. Горло сдавливает широкий ошейник, запрокидывает голову назад, останавливается.

Все — зафиксированный пациент в наркозе не нуждается.

А наркоз мне сейчас не помешал бы...

— Господи наш всемогущий, молю о чудесах новых, о силах великих проявлений, о милости, о благах дарованных, о...

Я попытался сжать зубы, но куда там — воронку в рот вставили без заминки. Воронка видала виды: медь покрыта подозрительными рытвинами, будто покусанная. Не удивлен — я и сам ее частенько грызу.

Молитвы продолжаются, но смысл слов до меня уже не доходит — тело и душа едино напряжены, дрожат, готовятся... А потом крик захлебывается в горле... Точнее, в воде захлебывается...

Кто бы мог подумать, что простая вода способна на такое... Ледяная струя, запущенная с высоты палаческого роста, низвергается в медный конус и оттуда горной рекой врывается в мою многострадальную глотку. Затапливает пищевод, желудок, бронхи и легкие. Сила гидравли-

ческого удара такова, что едва тело не разрывает. Воздух из меня выбивает весь — задерживать дыхание при этой попытке бесполезно.

Когда-то доводилось слышать, что смерть от воды приятна и безболезненна. Если встречу этого болтуна, то утоплю в кипятке, предварительно сняв кожу.

А снимать буду медленно, мясо солью присыпая...

Я это на второй день пыток придумал: умолять, рыдать, стискивать зубы — все бесполезно. А вот если представлять, как мучаются мои недруги — давние и нынешние... Немножко легче становится.

В глазах темнеет... Неужели сейчас все закончится?! Неужели потеряю сознание и хоть немного смогу отдохнуть?!

Размечтался — я в руках профессионалов. Рот освобождается, доска наклоняется, переворачивается. Тело, повиснув на заломленных руках, корчится в судорогах, содержимое желудка и легких хлещет на грязный пол. Льется изо рта, из носа, из ушей. С трудом, будто через вату, слышу обрывки слов главного мучителя. Спрашивает что-то? Да какая разница, все равно день только начинается, и страдать мне предстоит до самого вечера. Сознание потерять не получилось, но, может, получится сдохнуть?..

Попробуем...

Через боль в глотке и груди выдыхаю поток отборных местных ругательств (спасибо, Тук, — хоть чему-то у тебя научился). Затем перехожу к вещам посерьезнее: угрожаю выпотрошить тех драных коз, что родили моих мучителей. Ведь не должны рогатые сожительствовать со свиньями — от подобных извращений рождаются инквизиторы и черви, что в уборных водятся.

Червей и коз мне простить могут, но свиней никогда. В этом мире к хрюшкам отношение сложное, гораздо

сложнее, чем у мусульман и евреев. Я могу прилюдно надругаться над всеми церковными святынями — подобное преступление считается на порядок безобиднее громогласного подозрения в родственных связях с погаными животными.

Ну! Давайте! Вперед, ребятки! Тащите свою медную клизму! Без передышки я второй сеанс «терапии» не перенесу — сил ведь совсем не осталось. Если не сдохну, то точно отключусь!

Оплеуха слева — кого-то мой монолог огорчил.

— Урод! Это ты что — бьешь так?! Это папа тебя научил так бить?! А хрюкать он тебя не научил?!

Опять оплеуха. От души врезали — мозг едва в черепе не кувыркнулся. Но не везет, сознание не теряю.

— Стоять! — Монах повысил голос.

Это он мне или кому? И как, интересно, я встану?!

Не мне.

— Сапоги тащи! Обувайте изменника!

— Но господин инквизитор! Тяжкие увечья позволяет делать лишь под надзором королевских соглядатаев, по приговору суда не ниже городского! А суда сегодня уже не дожидаться, только завтра получится собрать, если сейчас в управу сбегать! Там ведь через канцелярию все делается, а это дело небыстрое.

Чудеса — один из палачей обрел голос. Спокойный, рассудительный — никогда не подумаешь про такого, что он способен обидеть столь замечательного человека, как я.

— Ты оглох?! Или поганцу помочь вздумал?! Отвечай!

— Что вы! Как такое подумать на меня могли! Просто порядок такой!

Голос изменился: теперь взволнованный, с плохо скрываемым испугом.

— Здесь — я порядок! И я велю: тащи сапоги!

Понятия не имею, что за обувь здесь обсуждают, и вообще мало прислушиваюсь, наслаждаюсь отдыхом, все еще пытаюсь продышаться. Сутками висеть на стене в вертикальном положении — не шутка, после такого и на мокрой доске лежать в радость. Долго расслабляться не дают. С ног убирают деревянный запор, но взамен ступни заковывают в нечто металлическое и тесное. Разглядеть «обновку» не могу, но понемногу начинаю беспокоиться: похоже, инквизиторы решили применить нечто новенькое. Не верю, что мне это понравится, до сих пор они ни разу не делали ничего приятного.

— Изменник рода человеческого, в последний раз говорю тебе: поведай тайны свои безо всякой утайки. Ты все равно их поведаешь, но только с болью великой.

Вот и началось. Садист наконец перешел к тому, что его интересует по-настоящему: он ведь пытается меня не только из альтруистических побуждений. Голос инквизитора слащаво-многообещающий. Когда он так пел в последний раз, мне потом под ногти деревянные клинья начали загонять.

— Да что вам от меня надо!!! — ору, пытаюсь затянуть время, — ведь ответ знаю прекрасно.

— Изменник рода человеческого, поведай про тайны ордена своего. Нам надо знать, как вы делаете сердца погани для лечения и усиления своего пригодными и как сами не перерождаетесь, свежими их приняв на тело свое. Ты принял сердце и до сих пор не стал тварью — значит, способ такой тебе ведом. Поведай его мне, и я позабочусь о спасении твоей души. А если опять лгать начнешь, то с криками жалеть об этом будешь! Говори.

И рад бы ему ответить, но — что? Я как в том анекдоте про схваченного разведчика: под нечеловеческими пытками героически молчу, не выдавая военную тайну. Он

по глупости своей тайну не знал — учился плохо; а я ее вообще не могу знать.

Вздыхаю, обреченно отвечаю чистую правду:

— Не знаю я тайн ордена. Устал повторять: я не страж! Я самозванец! Меня приняли за стража, там, на побережье, и я не стал этого отрицать! Не знаю я ничего про сердце! Не знаю я, каким способом мои раны вылечили! Помню, что мечом меня ударили несколько раз в бою у брода, и все — дальше ничего не помню! Хоть жгите, хоть вешайте — не скажу ничего! Потому что не знаю!!! Вы не за того меня принимаете!!! Я не могу рассказать ничего!!! Не могу!!! Откуда самозванцу знать тайны ордена?!

— Ты все скажешь, — очень уверенно говорит инквизитор и коротко командует: — Левый на четыре оборота.

Вот теперь я понял, куда угодили мои ноги — в хитроумные тиски. И сейчас палачи начали их завинчивать. Ступню сдавило сразу с четырех сторон, загибая пальцы к пятке и одновременно сжимая с боков. Суставы затрещали, в ожидании болевого взрыва тело напряглось, выгнулось... я даже дышать перестал.

— Изменник рода человеческого, поведай про тайны ордена стражей полуденных. Поведай, пока не стало поздно!

— Да не страж я!!! Не знаю я никаких тайн!!! — почти рыдаю, понимая, что слова здесь бесполезны — даже сокрушить правдоподобно не получается... пробовал уже.

— Левый на пять оборотов.

Сегодня не мой день, сознание потерять не получилось. В глазах — тьма, расцветиваемая цветными разводами и мириадами искр, во рту солено, глотку режет от перенесенной водной пытки и нечеловеческого крика, но все равно в спасительную тьму не ушел. Прочувствовал все...

— Изменник рода человеческого, слышишь меня?

Ничего не вижу и почти оглох от собственного крика. Боже, как же больно! Хрена с два я вам отвечу, лучше думайте, что не слышу. Все равно отвечать нечего...

Увы, с этими ребятами номер не проходит.

— Правый на четыре оборота.

Теперь вторая ступня напряжена, а про то, что осталось от первой, и думать боюсь. Не ощущаю там ничего, кроме монолитного сгустка нестерпимой боли.

— Изменник рода человеческого, а сейчас слышишь меня?

— С-слышу... — вот попробуй не ответь таким настойчивым.

— Изменник рода человеческого, поведай про тайны ордена стражей. Поведай, а то ведь и вторую ногу ломать придется. Тяжек твой грех, и лишь в покаянии искреннем спасение обретишь. Начни свое покаяние с малого — поведай про тайну стражей.

Я, наверное, уже полная развалина. Десятки раз сломен непрекращающимися пытками; голодный и не выспавшийся; потерявший всякую надежду на выход из этого мрака. Но даже у развалины есть право на протест или на последний плевок в лицо. Бесполезно молчать, бесполезно отвечать, не осталось у меня больше никакой надежды. Выхода нет. Так что хватит умолять или оправдываться, остается лишь ругаться. Другого способа для выражения недовольства мне не оставили...

— Хорошо, — начинаю «каяться». — Начну с того, что я, будучи голодным, зарезал твоего родного папашу и сделал из него жаркое на углях. Я не людоед — ведь папа твой был боровом. Боров, если кто из присутствующих вдруг не знает, это свинья мужского пола. Их кастрируют, чтобы пожирнее и поласковее были. И вас, свиней, я тоже прирежу, обещаю. Завинчивайте свой валенок по-